УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОБОТОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бегишев заслуженный юрист Республики Татарстан,
Ильдар кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Рустамович Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42).
E-mail: begishev@mail.ru

Abstract

Деятельность по созданию и распространению роботов для целей совершения преступлений в настоящее время не охватывается составами преступлений, предусмотренными действующим уголовным законодательством, и может подлежать правовой оценке только как приготовление к соответствующему преступлению в форме приискания, изготовления либо приспособления средств и орудий его совершения. Целью исследования выступает охрана общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов. Основная задача исследования заключается в выработке уголовно-правовых средств предупреждения и пенализации деятельности, направленной на создание и распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений. В целях охраны общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов, осознавая необходимость обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, предотвращения причинения вреда в процессе функционирования таких роботов, целесообразно установить уголовную ответственность за создание и (или) распространение роботов (автономных роботов), предназначенных для целей совершения преступлений.

Ключевые слова: робот, робототехника, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровая экономика, уголовное право, автономный робот, преступление, уголовная ответственность, общественная опасность, общественные отношения, цель, создание, распространение, оборот.

Экспоненциальный процесс цифровой трансформации современных общественных отношений, характеризующийся поступательным внедрением робототехнических технологий, существенно видоизменяет сложившиеся тенденции социальных практик. Робототехника становится в действительности сквозным инструментом, опосредуя большинство правоотношений. При этом с каждым годом значимость указанной сквозной цифровой технологии, ее распространенность и темпы внедрения только возрастают.

В названных условиях правовое регулирование, как представляется, должно создавать основу для безопасного и комфортного включения цифровых продуктов как в гражданский, так и в служебный оборот, при этом придерживаясь консенсуса между эффективным и достаточным устранением криминологических рисков и созданием благоприятной для законной предпринимательской, исследовательской, производственной и иной деятельности. Соблюдение вышеназванного баланса есть важная задача, во многом обуславливающая устойчивое и поступательное развитие нашего государства, создание конкурентоспособной цифровой продукции, обеспечение первенства прорывных российских технологий на международной арене.

Конститутивной предпосылкой выстраивания механизмов и моделей правового регулирования, удовлетворяющего вышеуказанным требованиям, является прогнозирование

потенциальных рисков и угроз охраняемым уголовным законом общественным отношениям [1, с. 112–118; 2, с. 186–194; 3, с. 72–77; 4, с. 580–584; 5, с. 382–387; 6, с. 173–177; 7, с. 134–138; 8, 119–122]. Только конструктивное прогнозирование может служить надлежащей основой для выработки превентивного, соразмерного и достаточного регулирования общественных отношений уголовно-правовыми средствами. В обратном случае правовые нормы, в том числе охранительного характера, выступают в качестве регуляторов уже возникших и реализовавшихся угроз, демонстрируя недостаточную превентивность. Выразим согласие с мнениями ученых-правоведов, утверждающих, что «право пока не успевает за развитием цифровых технологий» [9, с. 7].

В затронутом контексте важно отметить традиционно настороженное отношение в перспективным цифровым технологиям как в обществе, так и в научной среде. К примеру, встречаются утверждения, уравнивающие расширение использования технологий искусственного интеллекта с «ящиком Пандоры» [10, с. 82]. Полагаем, опасения исследователей не лишены оснований, действительно, недостаточная понятность алгоритмов работы искусственного интеллекта, отсутствие единых подходов к его пониманию и осмыслению вызывают настороженность.

Однако искусственный интеллект в том понимании, которое закладывается соответствующим Указом Президента РФ, раскрывающим его как «комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные способности человека и получающий при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹, как технологию перспективную, видится нам единственно верным определением.

Иное положение складывается применительно к робототехнике. Будучи программно-аппаратным продуктом и не требуя для своего использования значительных вычислительных мощностей и разветвленной информационной инфраструктуры, робототехника поступательно внедряется в общественные отношения, порождая угрозы и вызовы, ставя новые правовые задачи.

Так, к примеру, социальной реальностью стали дорожно-транспортные происшествия с участием высокоавтоматизированных транспортных средств, являющихся по своей сути роботами; значительная часть производственных процессов автоматизирована и функции по созданию продукции в различной степени перешли от работников к специально обученным программно-аппаратным средствам (роботам); сфера услуг равным образом в известной степени роботизируется, что однозначно свидетельствует о высоком интересе к робототехническим технологиям.

Необходимо отметить, что полезные свойства робота и возможность наделения его некоторыми обязанностями (традиционно выполняемыми человеком) предопределяется его программно-аппаратной сущностью. Иными словами, любой робот представляет собой единство цифрового кода компьютерной программы и механической части, обуславливающей возможность совершения конкретных физических манипуляций в пространстве. Изолированно ни первая, ни вторая составляющие не могут образовывать робота, являющегося продуктом именно цифровых технологий.

Программная составляющая выражается в цифровом коде, заложенном в компьютерную программу робота. Данный компонент представляет интерес постольку, поскольку содержит исчерпывающий перечень алгоритмов действий, то есть совокупности данных и команд, реализуя которые робот совершает конкретные механические действия, к примеру, перемещается по заданной траектории с установленной скоростью. Указанные поведенческие алгоритмы закладываются в робота производителем и являются изначально статичной категорией – не могут произвольно меняться в ходе его функционирования. Из этого следует прогнозируемость и понятность действий робота, который может совершить только те действия, которые изначально были предусмотрены поведенческими алгоритмами цифрового кода его компьютерной программы.

Безусловно, программы роботов отличаются по своей структуре – некоторые содержат незначительный перечень алгоритмов, реализуя которые робот способен на выполнение

¹ См.: Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490.

простейших действий. В таком случае, как правило, на один сигнал управления или на одну ситуацию в программном коде робота заложена одна реакция (один алгоритм) который он реализует. Однако существуют и постепенно внедряются роботы, цифровые коды программ которых содержат широкий спектр алгоритмов, являющихся усложненными и длительными, то есть опосредуют возможность совершения роботом множества взаимосвязанных и единоподчиненных действий, объединенных необходимостью достижения конкретного результата. В таких роботах на один сигнал управления либо на одну ситуацию может быть предусмотрено несколько алгоритмов и к дискреции робота отнесен выбор конкретного перечня действий в той или иной ситуации. Безусловно, данные роботы с точки зрения их способностей по эффективному выполнению конкретных задач более сопоставимы с человеком, соответственно, представляют большую общественную опасность при эксплуатации.

Аппаратная составляющая есть совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых механизмов, которые образуют физическую структуру робота, – рычагов, радаров, материалов, иных элементов конструкции, приемо-передающих датчиков, датчиков движения, моторов, лидаров, шасси и т. д., и т. п. Аппаратный элемент предопределяет большинство технических характеристик робота, так как, к примеру, от емкости батареи (аппаратного элемента) напрямую зависит длительность функционирования робота. Помимо этого, особенностью аппаратной (механической) составляющей является то, что ее компоновка, структура, форма зачастую прямо зависят от выполняемой роботом задачи, его целевого предназначения. Так, вряд ли целесообразно создавать аэродинамический кузов роботу, предназначенному для рытья траншей.

Из всего массива цифровых технологий робот отличается тем, что его функционирование возможно только при наличии программной и аппаратной частей (что не характерно, к примеру, для искусственного интеллекта). В то же время заложенные в цифровой код компьютерной программы робота расширенные возможности реализации программных алгоритмов, опосредующих широкий перечень действий, которые может совершать робот, при вовлечении его в процесс совершения преступления существенно повышают причиняющий потенциал посягательства. Более того, сам факт создания робота для противоправных целей видится достаточно общественно опасным.

Поясним дополнительно, в вышеуказанных рассуждениях мы исходили из того, что исчерпывающий перечень поведенческих алгоритмов изначально заложен разработчиком в цифровой код компьютерной программы робота и не может видоизменяться. Однако изложенное характерно не для всех видов роботов. Характеризующиеся экспоненциальным развитием технологии искусственного интеллекта позволяют обоснованно полагать, что в перспективе возможно появление роботов, обладающих способностью к самообучению, то есть самостоятельному формулированию нового знания (как в форме цифровой информации, так и в виде совокупности данных и команд, внедряемых в цифровой код и расширяющих перечень поведенческих алгоритмов). Происходит такое самообучение на основании самостоятельного собирания роботом информации из внешней среды, ее аккумуляции, накопления, анализа и дальнейшего использования.

Таким образом, фактически складывается положение, при котором разработчик может заложить только первоначальные алгоритмы, позволяющие роботу самообучаться, однако как именно робот данную возможность реализует, на этапе разработки достоверно не известно. Подобного робота, как представляется, можно именовать автономным, то есть способным к самостоятельному принятию решений и осуществлению действий на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма.

К тому же следует заметить, что самообучение робота имеет существенные отличия от человеческого познания окружающей среды. Наличие процессоров с распределенной программной архитектурой позволяет такому роботу выполнять несопоставимо больше логических операций за единицу времени.

На основании приведенных рассуждений видится очевидным вывод о несопоставимо большей общественной опасности вовлечения автономного робота в совершение преступлений.

Тем не менее, появление автономных роботов не составляет актуальной повестки и может только прогнозироваться. Однако абстрагирование от выработки мер уголовно-правового противодействия противоправным девиациям таких роботов видится недопустимым.

В то же время опасность создания управляемых (антагонизм автономных) роботов в настоящее время является очевидной, при этом действующее уголовное законодательство не содержит нормы, предусматривающей ответственность за такие деяния. Существует группа составов преступлений, объективными признаками которых описываются деяния, частично подпадающие под процессы разработки, проектирования, построения робота для целей совершения преступлений.

К примеру, в составе преступления, предусмотренном ст. 273 УК РФ, законодатель указывает на признак «создания, использования и распространения компьютерных программ и иной компьютерной информации». Конкретизируем, термин «компьютерная программа» в контексте вышеуказанного состава может быть отождествлен с употребляемым нами термином «цифровой код компьютерной программы», поскольку и в первом, и во втором случае фактически указывается на совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования определенного программного и/или программно-аппаратного средства.

Согласно методическим рекомендациям Генеральной прокуратуры РФ, под созданием программы предлагается понимать «деятельность, направленную на разработку программ»¹. Думается, логика подобной дефиниции правильна, едва ли возможно казуистично описать все возможные методы, средства, способы и методики, применяемые на этапах от написания исходного кода, до факта введения программного продукта в эксплуатацию, ввиду чего дефиниция с подобным уровнем абстракции видится правильным вариантом. Практикоориентированным видится также указание на то, что деятельность должна быть направлена на такую разработку, что не требует наличия конечного результата в виде создания готовой к использованию программы для признания деяния оконченным.

Тем не менее, в качестве обязательных признаков состава преступления, описанного в ст. 273 УК РФ, обозначена цель функционирования такой программы: «уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации либо нейтрализация средств ее защиты», что не позволяет применять норму в случае, когда лицо создает цифровой код, закладывая в него алгоритмы, предназначенные для целей совершения преступлений, ввиду чего рассмотренная норма представляется нам нерелевантной для целей охраны общественных отношений от посягательства, совершенных посредством использования роботов.

Иной, сходный по отдельным объективным признакам с процессом создания роботов состав преступления описан в ст. 223 УК РФ, которая предусматривает ответственность за «изготовление, переделку» оружия. В данном случае к числу признаков, описывающих деяние, добавляется переделка, то есть изменение свойств, качеств и характеристик существующих объектов, а не создание новых. Полагаем, подобное законодательное описание деяния является удачным опытом. В равной степени в отдельных случаях нет необходимости в создании робота как нового материального объекта для совершения преступлений. Однако подобный состав преступления также не может применяться для квалификации действий лиц, «изготовивших или переделавших» роботов для целей совершения преступлений, поскольку обязательным объективным признаком состава преступления является «оружие», то есть предметы, конструктивно предназначенные для механического поражения цели или подачи сигналов. Безусловно, как управляемый, так и автономный робот может обладать подобными свойствами, однако поражением цели не исчерпывается его функционал, ввиду чего не во всех ситуациях робот, вовлекаемый в орбиту преступной деятельности и выполняющий преступные функции, может являться оружием.

Следующий состав преступления, объективными признаками которого могут частично, с известной долей условности, охватываться процессы создания роботов в противоправных целях, описан в ст. 223.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за «незаконное изготовление взрывчатых веществ; незаконное изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств». Заметим, что робот ни при каких условиях не может быть взрывчатым веществом. Взрывное устройство, в свою очередь, может быть как делимым, так и неделимым оборудованием робота, ввиду чего детальность по его изготовлению, переделке или ремонту представляется более широкой категорией.

¹ Подробнее см.: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-104550/> (дата обращения: 10.02.2021).

Таким образом, представляется, что деятельность по созданию робота для целей совершения преступлений в настоящее время не охватывается составами преступлений, предусмотренными действующим УК РФ, и может подлежать правовой оценке только как приготовление к соответствующему преступлению в форме приискания, изготовления либо приспособления средств и орудий его совершения.

В то же время представляется, что если программная и аппаратная части робота, в особенности автономного, приспособлены для совершения им преступлений, указанный робот полностью собран и может быть использован в соответствии с его противоправным назначением, подобная деятельность должна находить адекватную, защитительно-запретительную реакцию со стороны государства, поскольку сама по себе является достаточно общественно опасной.

Думается, причиняющая способность такого робота, то есть объем возможностей по увеличению характера и пределов общественно опасного посягательства, совершаемого с его использованием, сопоставима с оружием и должна надлежащим образом пенализироваться согласно положениям уголовного закона.

Обратим внимание на существенное обстоятельство: настоящие рассуждения касаются роботов, созданных для совершения преступлений и не имеющих в своем составе вооружения, то есть предметов, конструктивно предназначенных для механического поражения как находящейся на удалении цели, так и при непосредственном с ней контакте, а также предметов, способных к внезапному, самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву).

Под признаком приспособленности для совершения преступлений мы пониманием наличие в цифровом коде компьютерной программы робота или в механических системах его аппаратной части элементов, устройств, приспособлений и иных предметов, которые при их использовании в ходе преступной деятельности существенно увеличивают характер и возможности посягательства и/или непосредственно образуют возможность совершения такого посягательства.

Под непосредственным образованием возможности посягательства следует понимать ситуации, когда в цифровом коде компьютерной программы робота содержатся элементы, позволяющие дешифровывать перехватываемые сигналы, а в аппаратной части механизмы, позволяющие перехватывать такие сигналы, к примеру, робот был замаскирован под робот-пылесос и внесен виновным лицом в помещение, где проживал человек, неприкосновенность личной жизни которого виновный планировал нарушить. В данном случае существенно, что в отсутствие внесения противоправных изменений в технические характеристики робота посягательство не могло быть совершено как таковое.

Под увеличением характера и пределов посягательства возможно понимать ситуации, когда робот, исходя из правомерно заложенных в него характеристик, предназначен для осуществления законной деятельности и такая деятельность связана с созданием угрозы причинения вреда (к примеру, роботизированная рука-манипулятор на производстве). В данном примере промышленный робот-манипулятор при захвате управления им может уничтожить имущество, причинить вред здоровью, однако он не способен, в частности, осуществлять негласное получение акустической информации либо перехват информации, передаваемой по цифровым каналам.

В данном случае виновное лицо может увеличить характер посягательства, внося в робота механизмы перехвата либо видеоаппаратуру для неочевидного получения информации. То есть внести изменения, ввиду которых робот может посягать на иные охраняемые законом общественные отношения, а именно на отношения, обеспечивающие применительно к этой ситуации коммерческую тайну. Под совершением действий, увеличивающих в данном случае пределы посягательства, следует понимать, например, увеличение возможностей приводов такой роботизированной руки-манипулятора, ввиду которых она становится способной к уничтожению имущества в крупном размере.

То обстоятельство, что робот, созданный для совершения преступлений, может выполнять, помимо преступных, иные правомерные действия (производственного, хозяйственно-бытового плана), на квалификацию содеянного не влияют.

Появление у робота оружия существенно увеличивает характер и пределы посягательства, ввиду чего ответственность за совершение действий по внедрению в состав робота

вооружения должно влечь более тяжкую ответственность в рамках отдельной уголовно-правовой нормы.

Как нам представляется, создание лишь программной или только аппаратной части робота для совершения преступлений невозможно, поскольку указанные элементы функционируют в тесной взаимосвязи (поведенческие алгоритмы реализуются посредством механических элементов). Ввиду чего действия, направленные на создание робота для совершения преступлений, должны охватывать как программную, так и аппаратную часть.

В дополнение к рассуждениям о необходимости выработки нормы об ответственности за создание робота для совершения преступлений заметим, что такое создание не обязательно должно быть этапом, предшествующим совершению преступления с использованием такого робота. Само «основное» преступление может совершаться одним субъектом, а изготовление робота для его совершения – другим, при этом последний не обязательно является соучастником «основного» преступления. Более того, субъект может специализироваться на создании и последующей реализации роботов для совершения преступлений, что, как представляется, аналогично должно пенализироваться в рамках специальной уголовно-правовой нормы.

Подобная деятельность (распространение предназначенных для преступных посягательств роботов) представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку характеризуется определенной специализацией участвующих в ней лиц на совершение противоправных деяний конкретной направленности; создает основу для совершения иных преступлений, осложненных применением роботов; образует обстоятельства, способствующие функционированию организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций).

Исходя из приведенных рассуждений, становится допустимо выделить две формы поведения, которые, как нам видется, должны найти законодательное описание в качестве признаков, характеризующих деяние в новом составе преступления – «создание роботов для целей совершения преступлений» и «распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений».

Под созданием представляется возможным понимать:

- деятельность, состоящую в написании цифрового кода компьютерной программы робота, внесении изменений в существующий код (при этом такие изменения могут выражаться в воздействии на любые элементы кода (исходные или дополнительные));
- деятельность, состоящую в получении (полном построении новой или переделки существующей) аппаратной части робота, в результате которой программная и/или программно-аппаратная части приобретают признаки предназначенности для целей совершения преступлений, описанные ранее.

Написание цифрового кода признается оконченным с момента фиксации такого кода в любых символах, на любом языке программирования и на любых материальных носителях (документах, листке бумаги, SSD, HDD, Flash, облачных хранилищах и иных средствах хранения цифровой информации). При этом для признания преступления оконченным указанный код должен содержать достаточные элементы, образующие признаки предназначенности для совершения преступлений. То обстоятельство, что при наличии таких достаточных элементов код все еще не может быть использован для функционирования робота в целях совершения преступлений (к примеру, не написаны иные элементы), на квалификацию содеянного как оконченного преступления не влияет. Аналогичные соображения распространяют также на случаи внесения изменений в уже существующий код компьютерной программы.

В случае с написанием компьютерной программы автономного робота его предназначенность для целей совершения преступлений может быть установлена, если лицо, составляя исходные алгоритмы и закладывая возможность самообучения в любых сферах деятельности, установило направленность, вектор такого обучения на приобретение знаний, навыков, умений и информации, необходимых для совершения преступлений.

Получение аппаратной части робота для целей совершения преступлений признается оконченным с момента, когда соответствующая аппаратная часть объединена с цифровым кодом компьютерной программы, содержащим достаточные элементы, образующие возможность совершения преступлений.

На первоначальном этапе написания компьютерной программы то обстоятельство, что исходный код не содержит достаточные элементы, образующие возможность совершения

преступления, не может исключать направленность умысла лица на создание робота для целей совершения преступлений и, следовательно, исключать квалификации содеянного как приготовления к соответствующему преступлению. При этом об умысле на написание кода именно для совершения преступлений должны свидетельствовать определенные обстоятельства (приискание виновным методов и способов написания такого кода, наличие договоренности с иными лицами о предоставлении аппаратной части и т. д.).

Под распространением роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, следует понимать любые формы возмездного или безвозмездного отчуждения в пользу иных лиц роботов, способных по своим тактико-техническим характеристикам быть использованными при совершении преступлений. В то же время распространение может производиться не только в отношении готовых к использованию роботов (в данном случае для признания деяния оконченным требуется, чтобы программная и аппаратная составляющие робота содержали достаточные элементы, образующие их пригодность для целей совершения преступлений). Помимо изложенного, робот может отчуждаться не как единое целое, допустимо отчуждение составных частей (модулей) такого робота, в случае если их разъединение по техническим характеристикам возможно.

Деяние признается оконченным с момента передачи робота либо его составной части (модуля), содержащего элементы, образующие его пригодность для совершения преступлений.

Если деяние маскируется под законную гражданско-правовую сделку, в рамках которой легально передается имущество либо иные объекты гражданских прав, оно признается оконченным с момента оформления соответствующих документов вне зависимости от фактического осуществления их исполнения.

Мы, однако, не исключаем, что одно и то же лицо может самостоятельно или в составе группы выполнять как создание, так и распространение, что обоснованно предполагает усиление ответственности. В любом случае совершение указанных деяний неоднократно, а равно по предварительной договоренности с иными лицами свидетельствует о специализации преступной деятельности и, как представляется, должно влечь более строгое наказание.

Важно обозначить, что деяния, состоящие в вышеописанных создании и распространении, имеют различные характер и степень общественной опасности. Так, если создание оканчивается (де-факто) появлением робота, предназначенного для целей совершения преступлений и, хотя само по себе указанное деяние достаточно общественно опасно, оно не предполагает серийности совершения таких действий. В то же время, хотя серийность и не является обязательным признаком распространения описанных роботов, возможно, обоснованно предположить, что факты означенного распространения могут состоять из множества эпизодов, если лицо или лица специализируются на данной преступной деятельности. Помимо этого, распространение таких роботов в значительной степени создает основу для их незаконного оборота, что видится весьма опасным фактором.

Таким образом, как представляется, санкция нормы должна содержать значительный интервал размера или срока устанавливаемого наказания для обеспечения индивидуализации наказания и его соразмерности реально создавшейся общественной опасности.

Помимо изложенного, представляется, что совершение аналогичных действий применительно к автономному роботу обладает повышенной общественной опасностью и должно пенализироваться в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы.

В подтверждение вышесказанного отметим, что автономный робот обладает повышенным интеллектуальным потенциалом, имитирует когнитивные функции человека, способен к поиску решений и осуществлению действий вне заранее установленного алгоритма, что предопределяет значительно меньший контроль за его деятельностью со стороны человека.

Итак, на основании изложенного, преследуя цель осуществления уголовно-правовыми средствами охраны общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов, осознавая необходимость обеспечения безопасности государства, общества и личности от преступных посягательств, предотвращения причинения вреда в процессе функционирования таких роботов, находим возможным предложить отдельные нормы об ответственности за создание и (или) распространение роботов (автономных роботов), предназначенных для целей совершения преступлений, изложив их в следующей редакции:

«Статья N. Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений

1. Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются...

Статья N. Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для целей совершения преступлений

1. Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются...»

Литература

1. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.
2. Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 185–201.
3. Бегишев И.Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения робототехники // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4(32). С. 72–79.
4. Волчкова А.А. К вопросу об уголовной ответственности за вред, причиненный роботом // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 580–584.
5. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 3. С. 382–388.
6. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 173–178.
7. Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140.
8. Семенцова И.А., Фоменко А.И. О концепции уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4(119). С. 119–122.
9. Уваров А.А., Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 5–11.
10. Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87.

Begishev Ildar Rustamovich, Senior Researcher, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Candidate of Law (42, Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russian Federation). E-mail: begishev@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR THE CREATION AND (OR) DISTRIBUTION OF ROBOTS INTENDED FOR THE PURPOSE OF COMMITTING CRIMES

Abstract

The activity of creating and distributing robots for the purpose of committing crimes is currently not covered by the elements of crimes provided for by the current criminal legislation, and can be subject to legal assessment only as preparation for the corresponding crime in the form of finding, manufacturing

or adapting the means and tools for its commission. The purpose of the study is to protect public relations from illegal acts involving the use of specially designed robots. The main task of the research is to develop criminal-legal means of preventing and penalizing activities aimed at creating and distributing robots designed for the purpose of committing crimes.

In order to protect public relations from illegal acts involving the use of specially designed robots, realizing the need to ensure the safety of the individual, society and the state from criminal encroachments, to prevent harm in the course of the functioning of such robots, it is advisable to establish criminal liability for the creation and (or) distribution of robots (autonomous robots) intended for the purpose of committing crimes.

Keywords: robot, robotics, artificial intelligence, digital technologies, digital economy, criminal law, autonomous robot, crime, criminal liability, public danger, public relations, purpose, creation, distribution, turnover.

References

1. Apostolova N.N. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1. P. 112–119.
2. Begishev I.R. Kriminologicheskaya klassifikaciya robotov: risk-orientirovannyj podhod // Pravoprimerenie. 2021. T. 5. № 1. P. 185–201.
3. Begishev I.R. Uголовно-правовые и кримнологические аспекты применения робототехники // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 4(32). P. 72–79.
4. Volchkova A.A. K voprosu ob uголовной otvetstvennosti za vred, prichinennyj robotom // YUridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. P. 580–584.
5. Kamalova G.G. Nekotorye voprosy uголовно-правовой otvetstvennosti v sfere primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2020. T. 30. № 3. P. 382–388.
6. Kibal'nik A.G., Volosyuk P.V. Iskusstvennyj intellekt: voprosy uголовно-правовой doktriny, ozhidayushchie otvetov // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 4(44). P. 173–178.
7. Nekrasov V.N. Uголовная otvetstvennost' robotov: aktual'nye problemy i napravleniya dal'nejshego razvitiya // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 5. P. 134–140.
8. Semencova I.A., Fomenko A.I. O koncepcii uголовной otvetstvennosti za deyaniya, svyazannye s iskusstvennym intellektom // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 4(119). P. 119–122.
9. Uvarov A.A., Uvarov A.A. Problemy ispol'zovaniya cifrovyyh tekhnologij pri realizacii prav i svobod grazhdan // Pravo i cifrovaya ekonomika. 2020. № 2. P. 5–11.
10. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Novye vektory razvitiya informacionnogo prava v usloviyah civilizacionnogo krizisa i cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. P. 75–87.